

В пути. Ги де Мопассан

Гюставу Тудузу[1]

В Канне вагон наполнился, и попутчики разговорились: все они были знакомы друг с другом. Когда проехали Тараскон, кто-то заметил:

— Вот где отправляют на тот свет!

И все заговорили о таинственном и неуловимом убийце, который вот уже два года время от времени нападает на пассажиров. Каждый высказывал свои предположения, каждый делился с другими своим мнением, женщины, дрожа от ужаса, вглядывались в темную ночь за окном и ждали внезапного появления неведомого злодея. Начались страшные рассказы о неприятных встречах, о поездках наедине с сумасшедшим в купе курьерского поезда, о целых часах, проведенных с глазу на глаз с подозрительным типом.

Мужчины наперебой рассказывали о разных приключениях, которые возвышали их в глазах слушателей, — каждому удалось в обстоятельствах, из ряда вой выходящих, запугать, повалить и связать по рукам и ногам какого-нибудь злоумышленника, обнаружив при этом поразительную находчивость и отвагу. Доктору, который неизменно проводил зиму на юге, тоже захотелось вспомнить одну историю.

— По правде говоря, — начал он, — мне лично ни разу не пришлось показать свою храбрость в такого рода передерягах, но я знал ныне покойную женщину — это была одна из моих пациенток, — с которой произошла неслыханная, необыкновенно таинственная и необыкновенно трогательная история.

Это была русская графиня Мария Баранова, знатная дама поразительной красоты. Вы знаете, как красивы русские женщины, — во всяком случае, какими красивыми они кажутся нам, — с их тонко очерченным носом, мягким рисунком рта, близко поставленными глазами не поддающегося определению цвета — серо-голубыми, что ли, — с их холодной, отчасти даже суровой грацией! В них есть нечто злое и вместе с тем обворожительное, в них сочетается высокомерие и доброта, мягкость и строгость, и все это совершенно околдовывает француза. А может быть, дело тут в том, что это другая национальность и другой тип женщины, — вот почему я вижу в русских женщинах столько прелести.

Несколько лет назад лечащий врач графини обнаружил, что у нее плохо с легкими; он пытался уговорить ее поехать на юг Франции, но она упорно отказывалась расстаться с Петербургом. Наконец, прошлой осенью, врач решил, что она безнадежна, и предупредил мужа; тот заставил жену немедленно выехать в Ментону.

Она заняла отдельное купе; в другом купе ехали ее слуги. С легкой грустью смотрела графиня на проплывавшие за окном поля и деревни; она чувствовала себя одинокой и всеми покинутой; детей у нее не было, родственников почти не было, а муж, любовь которого угасла, послал ее на край света одну, как посылают в больницу заболевшего лакея.

На каждой остановке к ней приходил ее слуга Иван и спрашивал, не нужно ли барыне чего-нибудь. Это был старый, преданный своим господам слуга, готовый выполнить все, что бы она ему ни приказала.

Спустилась ночь; поезд мчался на всех парах. Графиня не могла заснуть: ее нервное напряжение достигло предела. И тут она решила пересчитать деньги — французское золото, которое дал ей муж в последнюю минуту перед отъездом. Она открыла сумочку, и искрометная золотая волна хлынула ей на колени.

Внезапно в лицо ей ударила струя холодного воздуха. Она с удивлением подняла голову. Дверь была открыта. Графиня испугалась, набросила шаль на деньги, рассыпанные у нее на коленях, и замерла в ожидании. Через несколько секунд в дверях показался запыхавшийся человек, раненный в руку, с непокрытой головой, в вечернем костюме. Захлопнув дверь, он сел, сверкнул глазами на свою соседку и принялся перевязывать носовым платком кровоточащую кисть правой руки.

От страха графиня была близка к обмороку. Уж конечно, этот человек видел, как она считала золото, и явился сюда, чтобы ограбить ее и убить.

Лицо незнакомца было искажено; он задыхался, он не сводил с нее глаз; конечно, он вот-вот бросится на нее.

Неожиданно он заговорил:

— Сударыня, не бойтесь!

Она не в силах была вымолвить ни слова; сердце у нее колотилось, в ушах шумело.

— Я не грабитель, сударыня, — продолжал он.

Она опять промолчала, но внезапно сделала резкое движение, и золото хлынуло на коврик, как вода из водосточной трубы.

Сначала незнакомец с изумлением глядел на этот поток, затем вдруг наклонился и начал подбирать золотые.

В смертельном страхе она вскочила, роняя на пол все свое состояние, и ринулась к дверям — она хотела выпрыгнуть из поезда. Он все понял, кинулся к ней, обхватил ее, силой усадил на место и, держа ее за руки, сказал:

— Выслушайте меня, сударыня. Я не грабитель, и вот доказательство: сейчас я соберу ваши деньги и отдам их вам. Но если вы не поможете мне перебраться через границу, я пропаду, я погиб. Больше я ничего не могу вам сказать. Через час мы будем на последней русской станции, через час двадцать минут мы переедем границу. Если вы мне не поможете, я погиб. И все же клянусь вам, сударыня, что я не убил, не украл и вообще ничем не запятнал свою честь. Больше я ничего не могу вам сказать.

С этими словами он опустился на колени и принялся подбирать золотые, заглядывая под сиденья и во все темные закоулки купе. Когда кожаная сумочка снова была полна, он, не проронив ни единого слова, протянул ее своей спутнице и уселся в противоположном углу купе.

Ни он, ни она больше не пошевелились. Графиня сидела неподвижно, молча, — она все еще не могла прийти в себя от того, что ей пришлось пережить; впрочем, мало-помалу она начала успокаиваться. Он же выпрямился и замер, застыл, уставившись в одну точку, бледный, как мертвец. Время от времени графиня бросала на него быстрый взгляд, но тут же отводила глаза. Это был человек лет тридцати, очень красивый и, судя по всему, дворянин.

Поезд мчался в темноте, бросая в ночь душераздирающие призывы; порой он замедлял свой бег, порой вновь мчался на всех парах. Внезапно он убавил ход, несколько раз свистнул и, наконец, остановился.

В дверях показался Иван: он пришел узнать, не прикажет ли чего-нибудь барыня.

Графиня Мария еще раз внимательно посмотрела на своего странного спутника и дрожащим голосом, но властно сказала слуге:

— Иван! Возвращайся к графу, мне ты больше не нужен.

Ошеломленный лакей широко раскрыл глаза.

— Барыня!.. Да как же это? — пролепетал он.

— Я передумала, ты со мной не поедешь, — продолжала она. — Я хочу, чтобы ты вернулся в Россию. Вот тебе деньги на дорогу. И отдай мне свою шапку и пальто.

Старый слуга растерянно протянул ей пальто и шапку, повинувшись, как всегда, беспрекословно: он привык к внезапным прихотям, капризам и упрямству своих господ. Ушел он со слезами на глазах.

Поезд тронулся; граница приближалась.

Тут графиня Мария сказала своему спутнику:

— Эти вещи — для вас, сударь; теперь вы мой лакей Иван. Но с одним условием: вы никогда не заговорите со мной, вы не скажете мне ни одного слова — ни для того, чтобы поблагодарить меня, ни по какому-либо другому поводу.

Незнакомец молча поклонился.

Вскоре поезд снова остановился, и по вагонам пошли чиновники в вицмундирах. Графиня протянула им свои бумаги и, указывая на человека, сидевшего в углу купе, сказала:

— Это мой слуга Иван; вот его паспорт.

Поезд тронулся.

Всю ночь они провели наедине, и ни один из них не нарушил молчания.

Когда настало утро и поезд остановился в каком-то немецком городке, незнакомец направился было к выходу, но задержался в дверях.

— Сударыня! Простите, что я не сдержал свое слово, — сказал он, — но я лишил вас слуги и обязан его заменить. Не нужно ли вам чего-нибудь?

Она холодно проговорила:

— Позовите мою горничную.

Он позвал горничную и исчез.

Но всякий раз, когда графиня выходила на перрон, она видела, что незнакомец издали провожает ее глазами.

Наконец они прибыли в Ментону.

Помолчав с минуту, доктор продолжал свой рассказ.

— Я принимал пациентов у себя на дому, и вот однажды ко мне явился высокий молодой человек и сказал:

— Доктор! Я пришел спросить вас о здоровье графини Марии Барановой. С ней самой я не знаком, но я друг ее мужа.

Я ответил:

— Она безнадежна. В Россию она уже не вернется.

Молодой человек зарыдал, поднялся и, шатаясь, как пьяный, вышел.

В тот же вечер я сказал графине, что какой-то иностранец приходил ко мне и спрашивал, как ее здоровье. По-видимому, это взволновало ее, и тут-то я и услышал от нее историю, которую только что рассказал вам.

— Этот человек, — закончила она свою повесть, — с которым я так и не познакомилась, ходит теперь за мной, как тень; я встречаю его всякий раз, когда выхожу из дому; он очень странно смотрит на меня, но ни разу со мной не заговорил.

Графиня задумалась.

— Знаете, — прибавила она, — я готова биться об заклад, что он и сейчас стоит у меня под окнами.

Она поднялась с кушетки, отвернула занавеску, и я действительно увидал того человека, который заходил ко мне: он сидел на скамейке в сквере и глядел на окна гостиницы. Заметив нас, он встал и ушел, ни разу не обернувшись.

Итак, на моих глазах происходило нечто поразительное и трагичное: я наблюдал безмолвную любовь мужчины и женщины, которые даже не были знакомы друг с другом.

Он любил ее, как любит человека спасенное им животное, которое сохраняет благодарность и преданность на всю жизнь. Понимая, что я обо всем догадался, он приходил ко мне каждый день и спрашивал: «Как она себя чувствует?». И горько плакал, видя, что она слабеет и бледнеет с каждым днем.

— Я разговаривала с этим странным человеком раз в жизни, а мне кажется, что я знаю его двадцать лет, — сказала она мне.

При встречах с ним она отвечала на его поклон печальной и ласковой улыбкой. Я чувствовал, что эта женщина, всеми покинутая и знавшая, что дни ее сочтены, счастлива, я чувствовал, что она счастлива от сознания, что она так горячо любима — такой почтительной, такой неизменной любовью, такой возвышенной и поэтичной, и видит такую безграничную преданность. И все же она упорно цеплялась за свою сумасбродную, навязчивую мысль и категорически отказывалась принять этого человека, узнать, как его зовут, поговорить с ним.

— Нет, нет, — говорила она, — это испортит нашу необычную дружбу. Мы должны оставаться чужими друг другу.

Ну, а он, разумеется, тоже был в своем роде Дон Кихотом: ведь он шагу не сделал для того, чтобы сблизиться с ней. Он хотел свято выполнить нелепое обещание, которое он дал ей в поезде, и никогда не заговаривал с ней.

В долгие часы, когда ее одолевали приступы болезни, она нередко вставала с кушетки, приподнимала гардину и смотрела, тут ли он, стоит ли он под окном. И при виде его, — он всегда неподвижно сидел на скамейке, — на лице у нее появлялась улыбка, и она снова ложилась.

Умерла она около десяти часов утра. Когда я выходил из гостиницы, он подошел ко мне с искаженным лицом: он уже знал о случившемся.

— Я хотел бы хоть на секунду увидеть ее в вашем присутствии, — сказал он.

Я взял его под руку, и мы вошли в гостиницу.

Подойдя к смертному одру графини Марии, он схватил ее руку, надолго прильнул к ней устами и, как безумный, выбежал из комнаты.

Доктор опять помолчал.

— Это, конечно, самая странная встреча на железной дороге из всех, о которых мне известно. Очевидно, есть еще на свете такие вот смешные безумцы, — закончил он свою повесть.

— Они вовсе не такие уж сумасшедшие, как вы думаете... — прошептала одна женщина. — Они были... Они были...

Она умолкла: слезы душили ее. Спутники, чтобы успокоить ее, переменили тему разговора, и никто так и не узнал, что она хотела сказать.

Примечания

1 Гюстав Тудуз (1847—1904) — французский романист из кружка Флобера; посещал «обеда освистанных писателей», учрежденные Флобером, Доде, Золя и Тургеневым.